

Экономикоцентризм в российском либеральном мышлении

Андрей Матюхин

Волны глобального финансово-экономического кризиса, с периодичностью нарастающие на российский «островок стабильности», актуализируют не столько важность аналитики неких универсальных экономических моделей и процессов, сколько необходимость совокупных социокультурных исследований, где экономические факторы являются лишь частью интегральной системы функционирования современных обществ.

Большой ошибкой было бы считать, что кризис носит сугубо экономический характер; для выявления его причин и поиска путей выхода необходим комплекс социальных, культурологических, экономических, политических, исторических исследований. Без серьезной комплексной и многоуровневой аналитической почвы любые прикладные задачи, например в экономической сфере, грозят обернуться набором звучных тезисов и принести мало практической пользы.

В этой связи одной из важнейших задач, стоящих перед научным сообществом в России, является преодоление своеобразного экономикоцентризма, имеющего глубокие корни не столько в общественном сознании, сколько в «интеллектуальной прослойке» представителей отечественной науки.

Экономикоцентризм – это определение экономических факторов развития и функционирования общества в качестве основных, базовых для всех

иных социальных сфер. Истоки экономикоцентризма в России лежат в интенсивном распространении марксистских идей, начиная с второй половины XIX в.

МАТЮХИН Андрей Викторович – доктор политических наук, заведующий кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия». E-mail: madr@mail.east.ru

Ключевые слова: экономикоцентризм, идеология, догматы, марксизм, либерализм.

Немецкий философ и экономист Карл Маркс (1818–1883 гг.) в своих работах «К критике политической экономии», «Немецкая идеология», «Капитал» и др. заложил основы диалектического и исторического материализма, выявил объективные закономерности и формации общественного развития, доказывал неизбежность коммунистического «окончания истории».

В 60-х – 70-х годах XIX в. появились первые переводы на русский язык некоторых работ Маркса.

К концу же XIX – началу XX в. в интеллектуальных кругах России К. Маркс становится наиболее известным и популярным автором, а сам марксизм приобретает очертание «религиозного откровения», оказавшего влияние даже на философию Серебряного века.

Многие русские мыслители и общественные деятели были буквально очарованы логической стройностью и экзистенциальным «революционным духом» марксистской концепции.

Господство в советский период марксизма в качестве «единственно верной теории» оказало колоссальное влияние как на развитие России в конце XX – начале XXI в., так и на современные научные подходы, причем не только в экономике, но и во всех общественных дисциплинах. Несмотря на более чем 20-летние «официальные похороны» марксистской идеологии и методологии, большинство научных и учебных работ по социальной, экономической, исторической, философской, политической и т.д. тематике в современной России буквально пронизаны духом диамата и истмата.

Марксизм сформировал методологическую основу мышления современных российских ученых. В основе этого мышления – экономикоцентризм.

Согласно положениям марксизма, неоспорим примат экономики (экономического базиса) над политикой, культу-

рой и идеологией (надстройкой). Отсюда выводилась прогрессистская теория универсальных общественно-экономических формаций, концепция классовой борьбы, диктатуры пролетариата, присутствовала безусловная вера в конечное торжество мировой революции и глобального коммунизма.

Сам марксизм являлся своеобразным ответвлением, радикальной версией, «пасынком» западноевропейского проекта «Просвещение» эпохи Нового времени. Именно данный просветительский проект определил основные политические и социально-экономические параметры современной западной цивилизации. Эволюция этого проекта к началу XXI в. и стала основной причиной современного глобального кризиса в форме западной версии экономикоцентризма – либерально-рыночного фундаментализма.

В ленинско-сталинский период революции, Гражданской войны и построения социализма в области практической политики догматы марксистского учения отнюдь не торжествовали. Можно даже утверждать, что как политики «эмпирические» ни В.И. Ленин, ни И.В. Сталин не являлись марксистскими догматиками, но проявили себя как жесткие и эффективные политические менеджеры. Оба относились к марксистскому учению больше футурологически, и даже романтически. Их привлекал великий «образ будущего», возможность построения общества без эксплуатации человека человеком, общества торжествующей социальной справедливости, «рождение» принципиально новой в истории человечества экзистенциально социализированной личности, лишенной «частнособственнических (низменных) инстинктов» и «родимых пятен» прошлого («от каждого по способностям, каждому по потребностям»).

Этот «образ будущего» и стал основой теоретического позиционирования марксизма-ленинизма как «единственно верного учения» в период правления И.В.Сталина, одновременно еще более усугубившего разрыв между практической политикой и «голой» теорией и методологией, что в дальнейшем станет одной из причин разрушения Советского Союза.

История этого расхождения между теорией и практикой берет свое начало с конца XIX в. в рамках развития отечественного марксизма. Г.В.Плеханов, популяризатор марксистского учения в России, являл собой образ «ищущего теоретика», весьма распространенного среди русской интеллигенции. Для «ищущего теоретика», в случае сомнений в прежних убеждениях, крайне важно «прислониться» к новой «твердокаменной» теоретической стене, расставляющей все точки над і.

Плеханов в ранний период своей жизни являлся одним из идеологов народничества и был одним из лидеров организаций «Земля и воля» и «Черный передел». Однако под влиянием работ К.Маркса Плеханов одолел «червь сомнения», и в начале 80-х годов XIX в. он полностью «перестроился» на новую теоретическую платформу, резко разойдясь с народниками.

Важно при этом отметить, что Плеханов стал основателем именно догматического марксизма в России. Он эмоционально принял учение Маркса, нашел в нем «философское утешение». Отсюда и безусловная вера в Маркса, вера в «слово учителя», абсолютное восприятие учения целиком.

В полемике с народниками Плеханов выдвинул ряд ключевых положений русского догматического марксизма:

– основа для анализа общественно-го развития России – социальная философия, базирующаяся исключительно

на материалистической диалектике Маркса;

– отрицание особого экономического характера развития России (она должна пройти тот же путь, что и страны Западной Европы);

– прогрессивному развитию России препятствуют крестьянская община и абсолютная монархия;

– социалистическая революция станет закономерным итогом продолжительного развития русского капитализма.

Ментально Плеханов скорее схож с лидером российских либералов начала XX в. П.Н.Милюковым, с той лишь разницей, что для последнего «твердокаменной» теоретической стеной являлось «методологическое» западничество, безусловная вера в западные институты как универсальные образцы подражания на пути к подлинной «цивилизованности» и «культуры» России.

Милюков постоянно оперировал крайне теоретизированными образами и в практической политике оказался абсолютно несостоятельным, проиграл все, что можно было проиграть.

Поэтому «веховские» и эмигрантские «саморазоблачения» достаточно хорошо охарактеризовали тип русского интеллигента-теоретика с присущими ему утопизмом, мечтательностью, схематизмом, беспочвенностью, псевдорационализмом, догматизмом¹.

Иное дело Ленин и Сталин. В практической политике и тот и другой отнюдь не держались за авторитетные теоретические схемы, часто игнорировали жесткие «закономерности» догматического марксизма, по необходимости переворачивали марксистскую «пирамиду» первичности экономических факторов, отдавая приоритет политике, идеологии и политическим технологиям. II съезд РСДРП (1903 г.) стал «водоразделом» между двумя направлениями

русского марксизма: догматическим, прозападным, эволюционно-выжидательным меньшевизмом и практико-ориентированным, национал-радикальным большевизмом. В своей «эмпирической политике» большевизм, в отличие от меньшевизма, преодолел догматический марксизм как направление западной мысли, как теоретическую схему развития европейского общества. Большевизм умело задействовал механизмы российской общинной психологии в период утверждения у власти, а в процессе реализации радикальной модели социалистической модернизации и вовсе «переродился» в национальном ключе, создав «продвинутую» советскую версию традиционной конкуренции в цивилизационном противостоянии с Западом.

В этой связи любопытно привести мнение бывшего министра иностранных дел в «белом» правительстве А.В.Колчака проф. Ю.В.Ключникова. Уже после Гражданской войны он отмечал, что «большевики и не славянофилы, и не западники, а чрезвычайно глубокий и жизнью подсказанный синтез традиций нашего славянофильства и нашего западничества»².

Соединение элементов теоретического марксизма с традиционализмом и ментальностью «русской почвы» наиболее заметно проявилось в период правления И.В.Сталина, сохранившего некоторую «инерцию синтеза» и после его смерти.

Однако во второй половине 50–80-х годов восторжествовала иная, противоположная тенденция. Ленинско-сталинский период «творческого марксизма», период опоры на политическую интуицию «красных царей», период неформального понимания специфики российской цивилизационной среды сменился эпохой формализованной «голой» теории. Воцарился «сусловский» тип

строгой идеологической регламентации и жесткой привязки к марксистской теоретической схеме. Через 100 лет плехановский догматический марксизм вернулся в Россию уже на уровне государственной политики ЦК КПСС.

Официальное утверждение марксизма-ленинизма в качестве неоспоримого «научного откровения» и «единственно верного учения» привело к «твердокаменному» постулированию теоретического набора «застывших» марксистских положений середины XIX в. и ленинских тезисов начала XX в. Догматика все дальше расходилась с реальной жизнью общества, что стало главной причиной духовного кризиса советской системы и привело к крушению великого государства. Официальные идеологи догматического марксизма не смогли ответить на новые мировые вызовы.

Возвращаясь к проблемам современной России, необходимо отметить, что неслучайно и главные «архитекторы» перестройки (А.Яковлев, А.Вольский, А.Аганбегян и др.), и идеологи радикальных рыночных реформ 90-х годов (Е.Гайдар, Е.Ясин и др.), как и многочисленные аналитики, обслуживающие власть, явились своеобразными апологетами плехановско-сусловской традиции экономикоцентризма.

«Аналитическая» часть российской политической элиты последнего двадцатилетия, ответственная за стратегию развития страны, рекрутировалась из «интеллектуальной прослойки», сформировавшейся в позднесоветский период (можно спорить лишь о том, были ли это лучшие, или не лучшие ее представители, но в целом это не так важно). Парадокс заключается в том, что именно «аналитическая» часть российской элиты, неизменно декларирующая необходимость «преодоления» советского на-

следия и выбор «цивилизованного» пути развития, была и остается ярким представителем догматического «истинного марксизма», где экономикоцентризм находится в основе методологических установок, как и в целом – в фокусе научного мировоззрения.

В этой связи неудивительно, что под влиянием политической конъюнктуры современные «аналитики» и «стратеги» при власти вполне органично и без отказа от фундаментальных основ своего мировоззрения перешли с версии советского на позиции западного либерально-рыночного экономикоцентризма, переключились с прогрессистской теории «построения коммунизма» на псевдомодернизационную концепцию либеральной унификации как тотальной вестернизации – нового варианта глобальной утопии – либерального «конца истории» (Ф. Фукуяма).

Теперь уже современные западные институты и модели признавались в качестве подлинных «образцов подражания» для «отсталой» России, сбившейся с «магистральной колеи», застрявшей на «запасном пути» политического марксизма.

Именно методологический марксизм либеральных идеологов реформ 90-х годов позволил, например, считать, что для успешной модернизации России необходимо предельно скорое «переформатирование» экономической системы на тотально рыночные рельсы. Как и в догматическом марксизме, здесь был предельно заострен собственно экономический фактор, выступающий первичным, базовым элементом преобразований.

Процесс либеральных реформ виделся следующим образом: после максимально быстрого внедрения передовых рыночных образцов новые экономические институты заработают и подтянут все иные «отсталые» (культурные и по-

литические) сферы общественной жизни России до необходимого уровня западных («цивилизованных») стран.

В реальности же подобный экономикоцентризм радикальных реформ напрямую обусловил кризисные и разрушительные процессы не только в социальной, но и в самой экономической сфере российского общества, привел к серьезному экономическому отставанию страны, жесткой привязке к «сырьевой трубе». Вместо декларируемой либеральной элитой приверженности «постиндустриальным ценностям» в реальности восторжествовали противоположные – доиндустриальные тенденции.

Катастрофические результаты «ускоренных преобразований» несомненно: Россия не только не смогла в современном мире дать адекватный модернизационный ответ, но и по всем социальным и экономическим показателям оказалась отброшенной назад, обрела статус «периферийной» страны.

Либеральная вестернизация 90-х годов за последние 11 лет подверглась некоторой «околопатриотической» корректировке в политико-культурной и информационной сферах, но сохранила свой вектор в экономической модели развития. Специфика нынешней весьма условной «национальной идеи России» при внимательном анализе позволяет выявить ряд противоречий.

Например, современная либеральная экономическая программатика, являясь органическим продолжением реформ 90-х годов, соседствует с публичным дистанцированием от «грехов ельцинской эпохи», но при этом апелляция к самобытности, «особости» России вполне уживается с постулированием «универсальных» (западных) либеральных идеологем.

Так, например, Д.А.Медведев, обозначая стратегические приоритеты своего президентского срока, неизменно декларирует, что главной задачей для современной России является свобода.

В 2000-х годах, контурно обозначив ряд новых идеологических ориентиров – патриотизм, духовность, сильное государство, эффективная вертикаль власти и т.д., методологически российская элита по-прежнему осталась на позициях «экономикоцентризма», взяв на вооружение монетаристскую тактику как основу национального развития. Если же анализировать в целом публично-политическую риторику современной российской власти, то можно сделать вывод о том, что «ценностными опорами стратегии «быживания» по-прежнему (как и в 90-е годы) остаются основные параметры западной либерально-рыночной модели общества эпохи модерна и постмодерна, модели, интеллектуально, организационно, политически и экономически обанкротившейся к концу первого десятилетия XXI в.

Реальный методологический экономикоцентризм в структуре российского либерального мышления тесно переплелся и сросся с политическими идеологиями: свобода личности, цивилизованные страны Запада, прогресс, гражданское общество, правовое государство, советский тоталитаризм, сталинский террор, ужасы ГУЛАГа и т.д., приобретенными под влиянием западного обществознания статус «священных коров». Однако оторванные от реальной цивилизационной почвы «универсальные» идеологемы оказываются не в состоянии выступать рациональными научными понятиями, – отсюда и постоянное расхождение теории и практики, околонучная недоговоренность, потенциальная полемичность и как следствие – перманентно кризисное состояние современной России.

В постсоветский период произошла своеобразная «политическая реанимация» идеологом классического либерализма XIX – начала XX в. (некое «воскрешение духа» П.Н.Милюкова), но с более поверхностным и даже скудным околонучным аппаратом, ограниченным «священными догматами».

Ярким примером этому служат представители современной «аналитической попсы», заполонившие собой российский телеэфир. Здесь под видом исторической, политической, экономической аналитики постоянно и непременно происходит жонглирование по преимуществу либеральными идеологиями.

В резвящейся «либеральной тусовке» медиапространства редкие идеологические оппоненты выступают своеобразным «диссидентским фоном», отступниками от «единственно верного учения», а финальные обобщения ведущих телепрограмм превращаются в банальное постулирование либеральных догматов.

В получивших широкий общественный резонанс остро полемических передачах («Петербург – 5 канал») и общероссийского все попытки С.Кургиняна перевести разговор «о бедах России» в содержательное цивилизационное русло неизменно наталкивались на жестко выстроенные идеологические схемы либеральных догм его оппонентов (Л.Млечин, Н.Сванидзе, А.Нечаев и др.).

Однако многие острые вопросы необходимо адресовывать не одной лишь российской власти или «горе-аналитикам» медиапространства, а всему отечественному научному сообществу.

Сейчас мы вступаем не только в полосу глубокого экономического кризиса, мы вступаем в обостренную стадию кризиса классических научных парадигм. Об этом кризисе и назревшей парадигмальной «перезагрузке» говорилось и

ранее – в рамках философии, футурологии и истории науки. Но сейчас этот вопрос предельно обостряется.

Можно с уверенностью утверждать, что на сегодняшний день отсутствует какая-либо адекватная и полноценная методология, на которую можно было опереться для выработки стратегии успешного развития. Альтернативные прогрессистским цивилизационные концепции (Н. Данилевский, К. Леонтьев, Л. Тихомиров, О. Шпенглер, А. Тойнби, «евразийцы», классики геополитики и др.), осмысленные на философском уровне, на сегодняшний день не получили вид законченной научной парадигмы. Полноценные цивилизационные исследования были отодвинуты наступательным развитием либеральной (на Западе) и марксистской (в России) вариациями теории прогресса.

Один из возможных путей выхода из тупика методологического кризиса – преодоление экономикоцентризма и жесткой структуры идеологической догматики, стоящих в центре научных направлений последних двух столетий. Ключевым здесь видится изменение направленности научных исследований. Крайне непродуктивным представляется нахождение в русле прежних, пусть и привычных общетеоретических схем, фундированных «авторитетными» версиями экономикоцентризма.

Важным является и принципиальный отказ от попыток теоретического обоснования необходимости воплощения «передовых образцов», порожденных какой-либо иной (европейской, американской, китайской, японской, лати-

ноамериканской и т.д.) социокультурной средой и историей. Уже по своей природе эти «образцы» имеют для России несамостоятельный, нетворческий характер. Но крайне значимым становится вдумчивое, систематизированное изучение социокультурных, социополитических, социоэкономических, социопсихологических, культурно-исторических особенностей уникального российского (евразийского) цивилизационного генотипа, исследование ментальной основы функционирования общества и на этой основе выработка рациональной программы саморазвития.

Еще в 1905 г. выдающийся ученый консервативного направления Лев Тихомиров сетовал на «неясность сознания» в российских науках об обществе, на отсутствие в них необходимого цивилизационного подхода к изучению специфики своей страны, отсутствие подлинной социокультурной стратегии национального развития³.

К сожалению, с тех пор мало что изменилось. Вначале марксистская, а затем и либерально-западническая версии экономикоцентризма со своими обоймами идеологических штампов прервали развитие методологии «самопознания России», лишь контурно обозначившейся в XIX – начале XX в. в русле славянофильских, консервативных и народнических научных и историософских традиций.

Появившиеся в 20–30-е годы XX в. исследования евразийской школы не повлияли на политическую практику в СССР и до сих пор занимают место «периферийных» учений*.

Сегодня актуальнейшей задачей становится подлинный цивилизационный анализ, многоуровневый подход к изучению специфики России, интегральные, а не

---

* Определенную надежду на полноценную научную «реанимацию» евразийских исследований дает проект В.В.Путина, который сейчас контурно обозначен в качестве одного из приоритетных на предстоящий президентский срок под условным названием «создание Евразийского союза».

автономные политические, экономические, культурологические, социально-психологические, правовые и т.д. исследования и преломление результатов этих исследований в практической политике.

В этом видится научная, аналитическая основа национального выживания и развития России в XXI в.

Примечания

¹ Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991; Из глубины. Сб. статей о русской революции. М., 1990; *Маклаков В.А.* Первая Государственная Дума. Париж, 1939; *Гессен И.В.* Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979; *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М., 1990; *Леонтович В.В.* История либерализма в России 1762–1914. М., 1995.

² *Ключников Ю.В.* Наш ответ // Смена вех. 1921. № 4.

³ *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 1992. С. 328–334.

**Подписка на 2012 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:**

47653 — на полугодие

36789 — на год